

Он сидел, понунив голову, словно брошенный гриб, окутанный густой тенью.

Чэнь Цзин не удержался и протянул руку, чтобы взъерошить его волосы — такие мягкие, пушистые, ну как можно быть таким милым?

Нянь склонил голову набок, разглядывая заживающую рану, и с сомнением спросил:

— Я выживу?

Его черные, влажные глаза, похожие на два глубоких омута, в которых отразилось звездное небо, казались Чэнь Цзину до боли притягательными.

Он не сводил с него взгляда и тихо ответил:

— Выживешь.

На губах юноши расцвела сладкая улыбка, такая нежная, что, казалось, вот-вот потечет мед, и он, успокоившись, прижался к Чэнь Цзину.

Цепляясь руками за его одежду, он пробормотал мягким, детским голосом:

— Угу, будем жить вместе.

Чэнь Цзин вздрогнул, дыхание на миг перехватило. Взгляд упал на полоску белоснежной кожи, открывшуюся, когда юноша уткнулся ему в плечо.

Челюсти Чэнь Цзина сжались. В конце концов, он взрослый мужчина, и инстинкты никто не отменял.

Возможно, юноша еще не осознавал, что начал подсознательно полагаться на него. Чэнь Цзин погладил его по мягким волосам и невольно усмехнулся.

Настоящий ребенок — дай конфету, и он улыбнется, споткнется — заплачет. Так быстро отбросил осторожность, совсем не умеет защищаться.

В следующее мгновение Чэнь Цзин прижал его за плечи к кровати.

Простыни прогнулись под тяжестью двух тел, оставив глубокие складки. Чэнь Цзин приблизился, обдавая его горячим дыханием, и насмешливо прошептал:

— И что мне теперь с тобой делать?

Нянь испугался, засучил руками, пытаясь оттолкнуть его, и испуганно забормотал. Он хотел было ущипнуть его посильнее, но, побоявшись задеть рану, тут же отдернул руку.

Уголки его глаз покраснели, горячее тело плотно прижималось к Чэнь Цзину, а исходящее от него тепло действовало как приворотное зелье — вид у него был до жалости беззащитный.

— Не пугай меня... пожалуйста? Брат... братик...

Прошептав это, Нянь потерся пушистой макушкой о шею Чэнь Цзина, ластясь, как маленький котенок.

Чэнь Цзин резко задержал дыхание. Сердце забилося, как сумасшедшее, тело напряглось до предела — в общем, ситуация была не из легких.

Ну как он может быть таким ласковым?

Перед таким Нянем Чэнь Цзин мог лишь криво усмехнуться. Нянь слабо толкнул его в грудь, но Чэнь Цзин перехватил его руку и провел кончиком горячего языка по подушечке пальца.

А затем взял палец в рот, слегка прикусив.

Румянец на щеках юноши почему-то принес ему успокоение.

В глазах мужчины промелькнула улыбка. Он нежно обнял юношу, слегка царапая ногтями его мягкую мочку уха.

Настоящий вредина, и такой же ручной.

[Система: ...]

[Кто-нибудь скажет, почему трансляция отключилась?!!!!]

[Где моя жена? Где та самая жена?!!!!]

[Честно говоря, ничего не видно, но ощущения — огонь.]

[Кто записал продолжение, скиньте в личку! Спасибо! Донат 1]

Пять минут назад Система с каменным лицом отключила камеру и микрофон. Глядя на непристойные комментарии, она вспомнила, что юноша каждый раз краснел от стыда по полчаса.

Система помедлила и зарегистрировалась как администратор под видом зрителя.

...

[00:00:00]

Второй этаж круизного лайнера.

В ресторане Цзян Янь и Сун Юньи уже заняли свои места.

Следом за ними вошел Нянь, чье сердце еще не успело успокоиться после пережитого.

Он никак не мог разгадать замыслы Цинь Юаня. Тот не только дал ему передышку, но еще и позволил воспользоваться лифтом, чтобы добраться до ресторана на втором этаже.

Как только Нянь вошел в зал, там воцарилась тишина.

Взгляды обоих мужчин тут же устремились к нему.

Юноша шел медленно, и кандалы на его белоснежных щиколотках звякали при каждом шаге,

привлекая к себе все внимание.

Он густо покраснел, не зная, куда деть руки. Походка его стала скованной, в движениях чувствовалась явная неловкость.

В чате трансляции началось настоящее безумие — все благодарили босса Цинь Юаня за щедрый контент.

[Эта акция — просто пушка, не зря вложился! Донат 1]

[Босс умеет развлекаться! Донат 1]

[Цинь Юань — та еще собака, давай еще! Больше, больше! Подарок от меня, Цинь-собака, забирай! Донат 1]

[Цинь Юань: Какая я вам собака, я что, за это доначу?]

— Что происходит? — зрачки Сун Юньи сузились, в голосе слышалось недоумение.

Цзян Янь, только что отведя взгляд от ног Няня, холодно усмехнулся:

— Черт, ну и извращенец. А я-то думал, он просто смотрит.

Цзян Янь так сжал нож и вилку, что они чуть не погнулись. Лицо его помрачнело, непонятно, от чего он злился больше:

— Цинь Юань совсем с катушек слетел?

— Няня заперли, вы разве не заметили? — Чэнь Цзин незаметно окинул всех взглядом. — Мы же в одном коридоре, шум должен был быть приличным, разве нет?

Нянь замер, глядя на Чэнь Цзина, и остро почувствовал, что тот, кажется, очень зол...

— Я не слышал никаких звуков. В трех комнатах было очень тихо, нет смысла врать, — ответил Сун Юньи. — Это место само по себе чертовски странное...

Не успел он закончить, как Нянь, глядя поверх плеча Цзян Яня на Сун Юньи, заметил, что выражение лица того было вполне искренним.

— Я тоже ничего не слышал, — голос Цзян Яня звучал холодно и язвительно. Хотя вопрос был задан, тон не оставлял сомнений. — Значит, это Цинь Юань надел на него кандалы?

— Какой в них смысл? — мягко спросил Сун Юньи.

Чэнь Цзин с напускной ленцой откинулся на спинку стула, на лице играла насмешливая улыбка.

Нянь поджал губы, промолчав. Его длинные черные ресницы опустились, отбрасывая тень на лицо.

Атмосфера в ресторане стала крайне напряженной.

Сун Юньи, заметив, что его вопрос повис в воздухе, поднялся и протянул Няню бутылку воды:

— Выпей, промочи горло.

— С кандалами мы что-нибудь придумаем.

Нянь послушно взял бутылку и открутил крышку:

— Спасибо. На самом деле, все в порядке. Кандалы мне почти не мешают.

[Перестань открывать бутылку, лучше открой мне свою душу, жена!]

[Смотрю, как жена пьет, и готов встать на колени.]

[Еще один, кто хочет напоить жену молоком.]

Нянь сделал слишком большой глоток и поперхнулся. Немного воды пролилось из уголка рта, стекая по тонкой шее.

Капля упала на ключицу и впиталась в рубашку.

Его глаза, влажные от слез, выглядели так, что перехватывало дыхание — создавалось ложное ощущение, что юноша источает невольный, сдерживаемый соблазн.

Сун Юньи подал ему салфетку, все так же мягко сказав:

— Пей медленнее, не торопись.

Нянь замер на секунду, прежде чем взять салфетку. Его невероятно красивые глаза светились искренностью.

— Спасибо.

Юноша был похож на ребенка, которого легко осчастливить — стоило кому-то проявить к нему доброту, как он тут же открывал свое сердце.

Цзян Янь, заворуженно наблюдавший за ним, опомнился, выругался про себя и опустил голову.

В горле пересохло, а на душе стало еще беспокойнее.

Чэнь Цзину все происходящее казалось невыносимым. Не успел он ничего сделать, как Нянь уже с улыбкой посмотрел на него.

Нянь подошел и сел рядом с Чэнь Цзином, не в силах выдержать его обжигающий, пронзительный взгляд.

Чэнь Цзин стиснул зубы, стараясь сохранять спокойствие, и наклонился к нему, усмехнувшись:

— Хочешь, я слижу воду с твоей рубашки?

Сказав это, он раскрыл печенья в руке:

— Невкусно.

Нянь взял кусочек, откусил и, глядя на него, тихо пробормотал:

— По-моему, нормально...

Чэнь Цзин протянул юноше свою раненую руку:

— Нянь, больно, подуи.

Контраст с его обычным развязным поведением был разительным.

Уши Няня покраснели.

Система, это что, эффект лекарства? Рана же уже зажила, зачем просить дуть на нее при всех?

Нянь, покраснев до корней волос, проигнорировал его и отправил в рот кусочек торта со стола. Сладкий шоколадный вкус растаял на языке.

Торт оказался мягким и нежным.

Очевидно, никто не боялся, что Цинь Юань подсыпет яд — ни один уважающий себя извращенец не стал бы травить своего питомца такой банальщиной.

Нянь был счастлив от сладости. Неужели в игре на выживание можно наслаждаться едой? Он облизнул крем с губ.

Цзян Янь залпом выпил бутылку воды и, пристально глядя на крем на губах Няня, холодно спросил:

— Какая связь между тобой и Пэй Минем?

[Система: Родной брат.]

Нянь остолбенел. В голове внезапно всплыла картина, он потерянно пробормотал:

— Я... брат Пэй Миня.

Настроение его заметно упало, ресницы отбрасывали густую тень. Ни у кого не поднялась бы рука снова беречь его раны.

Стоило прозвучать слову брат, как лицо Цзян Яня еще сильнее помрачнело, а в глазах промелькнула насмешка.

В старших классах Пэй Минь смотрел на Няня вовсе не как брата на брата. Неужели все вокруг были слепы?

Даже сам Нянь был шокирован. Пэй Минь — его родной брат? Неудивительно, что на видео, которое показывал Цинь Юань в лифте, Пэй Минь отчаянно выкрикивал его имя.

А как же то, о чем спрашивали Чэнь Цзин и Цинь Юань? Спал ли Цинь Юань с ним? Что это значит?

И жив ли еще Пэй Минь?

Нянь не решался делать выводы. В конце концов, в игре на выживание могло произойти что угодно.

Он поднял глаза и осмотрел ресторан. Обстановка была романтической, роскошной, каждый уголок и каждая деталь казались творением международного мастера. Весь ресторан был пропитан атмосферой романтики.

Ничего особенного, кроме этого, он не заметил.

Когда он отвел взгляд, его периферийное зрение зацепилось за угол ресторана. Там, в черной бархатной коробке под стеклом, лежала почти увядшая темно-красная роза.

Нянь опустил взгляд, погружившись в раздумья. Лицо его скрылось в тени.

Странно, этот цветок кажется знакомым.

Цзян Янь напротив, казалось, дремал. Его красивое лицо было неподвижным, аура вокруг стала ледяной.

Сун Юньи прищурился.

Время шло, почему Сюй Синьжуй и Фань Чжиюань до сих пор не пришли? Разве Цинь Юань не всем прислал приглашение?

Он специально наблюдал за структурой первого этажа, и в сочетании со вторым это место казалось крайне необычным для круизного лайнера.

В этот момент Фань Чжиюань, пошатываясь, вошел в ресторан. Его рука была замотана окровавленным бинтом, лицо — бледнее мела.

— Синьжуй... она упала за борт.

<http://bllate.org/book/21797/2255382>